

А. В. Сушков

Власть и коррупция: привилегированная жизнь «челябинских вождей» во второй половине 1940-х годов

Тема региональной коррупции в период позднего сталинизма все чаще привлекает к себе внимание российских историков¹. Несомненный интерес представляют антикоррупционные механизмы, предусмотренные в сталинской партийно-государственной машине, принципы их функционирования, организационные и правовые формы и методы борьбы с этим явлением. Как свидетельствуют архивные документы, высшее руководство позднесталинского СССР предпринимало усилия по борьбе с коррупцией, разросшейся в первые послевоенные годы до колоссальных размеров. Разбирательства по «коррупционным делам», где основными фигурантами выступали руководители различных властных структур и хозяйственное начальство, не сходили с повестки дня заседаний Секретариата ЦК ВКП(б) и в первую очередь Комиссии партийного контроля (далее — КПК) при ЦК ВКП(б).

В июле 1949 г. решениями Секретариата и Политбюро ЦК ВКП(б) с должности директора Челябинского Кировского завода был снят Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской премии, генерал-майор инженерно-танковой службы Исаак Моисеевич Зальцман, в сентябре Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) исключила его из партии. Среди обвинений, предъявленных «королю танков», были неудовлетворительная работа предприятия, коррупционные

***Сушков Андрей
Валерьевич***
кандидат
исторических
наук, старший
научный сотрудник,
Институт истории
и археологии УрО
РАН (Екатеринбург,
Россия)

действия заводских руководящих работников, незаконное расходование государственных средств, демонстративно вызывающее и оскорбительно-унижающее поведение по отношению к подчиненным, жесткий «зажим критики и самокритики» с преследованием критикующих его заводских коммунистов. Вскоре, в феврале 1950 г., за неправильное отношение к И. М. Зальцману и другие ошибки в руководстве Челябинской области своих постов лишились главные областные начальники — первый секретарь обкома ВКП(б) А. А. Белобородов и второй секретарь обкома А. В. Лесков. Партийные чиновники во главе с Белобородовым закрывали глаза на проделки Зальцмана, не принимали никаких мер по сигналам и критическим выступлениям коммунистов и расправлялись с теми, кто его критиковал².

Цековские проверяющие тогда не обнаружили свидетельств того, что Белобородов от покровительства Зальцману приобретал какую-либо материальную выгоду, например, получал от него дорогостоящие подарки. Однако в скором времени выяснилось, почему глава области был столь снисходителен и терпим к злоупотреблениям директора завода и прилагал немалые усилия, чтобы оградить его от справедливого возмездия за эти проступки. Прошел лишь год с того времени, когда «дело Зальцмана» тщательно разбирали в Секретариате ЦК ВКП(б) и в цековском партконтроле, и те же властные инстанции теперь предъявили обвинения в незаконном расходовании государственных средств бывшим руководителем Челябинской области.

«Дело» закрутилось практически сразу после отставки Белобородова. Из Челябинска его отправили в Калинин, где недавний глава области получил невысокое и даже унижительное (учитывая его предыдущую должность) место заведующего областным отделом коммунального хозяйства. На недавно занимаемое Белобородовым кресло в Челябинском обкоме по указанию Москвы переместился бывший первый секретарь Красноярского крайкома ВКП(б) А. Б. Аристов. В связи с передачей дел от прежнего к новому главному областному партийному начальнику из столицы в Челябинск прибыли представители управления делами ЦК ВКП(б), учинившие проверку соблюдения бюджетно-финансовой дисциплины в обкоме партии³. Именно в ходе этой проверки один за другим стали всплывать факты коррупционного поведения челябинского начальства, которые длительное время были надежно скрыты от посторонних глаз.

Проверяющие установили, что в течение 1948–1949 гг. руководители Челябинского обкома ВКП(б) и облисполкома при поездках в служебные командировки незаконно получали продукты, оплачивая их стоимость за счет средств облисполкома. Кроме того, в нарушение установленного порядка не платили за пользование квартирой, отопление и освещение, а также неправомерно получали денежные пособия. Так, первый секретарь обкома Александр Андрианович Белобородов получил продукты на 12 395 руб. и не выплатил полагающиеся 9955 руб. за жилищно-коммунальные услуги. Председатель облисполкома Иван Васильевич Заикин, на момент проверки работавший заместителем председателя Пензенского облисполкома, в 1948 г. получил продукты и папирсы на 5319 руб., для личных нужд приобрел ружье с патронами на 1170 руб., за счет облисполкома устроил у себя на даче банкет по случаю Первомайского праздника на 3394 руб. и тоже не оплачивал жилищно-коммунальные услуги. Его преемник на этом посту Михаил

Михайлович Бессонов, на момент проверки работавший заместителем председателя Совета министров РСФСР, получил продукты на 8898 руб. и не заплатил за жилищно-коммунальные услуги 2387 руб. Не самым нуждающимся партийным начальникам Челябинский обком ВКП(б) неоднократно выдавал денежные пособия, хотя как состоящие на денежном довольствии они на то права не имели. По 3000 руб. получили первый и второй секретари обкома А. А. Белобородов и Ф. Н. Дадонов (предшественник А. В. Лескова), еще три секретаря обкома — Г. А. Бездомов, А. Г. Лашин и П. И. Матвейцев — по 1800 руб.⁴

Подобных обвинений удалось избежать секретарю обкома ВКП(б) по сельскому хозяйству Григорию Ивановичу Волошенко, который, судя по всему, просто не успел получить незаконные денежные пособия ввиду непродолжительной работы в этой должности — с лета 1949 г. Но у цеховских возникли претензии к его предыдущей работе в должности секретаря Красноармейского райкома ВКП(б). Дело в том, что Волошенко в свое время взял из кассы райкома 5466 руб. и потратил их на ремонт райкомовского автомобиля. Вскоре об этом стало известно в Челябинском обкоме ВКП(б). Криминал состоял в том, что необходимые запчасти были куплены у частных лиц. Решением бюро обкома от 12 сентября 1946 г. Г. И. Волошенко был вынесен выговор за грубое нарушение финансово-бюджетной дисциплины и незаконное расходование партийных средств, бюро обкома обязало его в месячный срок погасить числящуюся за ним задолженность. Секретарь райкома возвращать деньги не стал, а предоставил финансовые документы, свидетельствующие о том, что запчасти были куплены в районе, в Козыревском мясомолочном совхозе. На этом основании задолженность с Волошенко была списана. Однако цеховские проверяющие установили, что документы были сфальсифицированы⁵.

В оправдание Волошенко следует сказать, что деньги им были потрачены на ремонт райкомовского автомобиля, и не исключено, что это была единственная возможность восстановить транспортное средство, коими сельские райкомы не были избалованы. А вот секретарь другого райкома ВКП(б), Каслинского, без зазрения совести присвоил 3500 руб. из средств, собранных населением, и пустил их на удовлетворение собственных потребностей. Личные нужды секретарь райкома П. Ф. Бочкарев считал гораздо более важными, нежели радиофикация Каслинского района, на которую скидывались жители⁶.

Помимо фактов незаконного расходования средств в ряде райкомов партии проверяющие из управления делами ЦК ВКП(б) установили, что обком «неправильно» израсходовал из партийного бюджета почти 110 тыс. руб. на содержание типографии, парикмахерской и общежития. Всего по партаппарату области за 1948 и 1949 гг. проверяющие насчитали перерасход более 1 млн руб.⁷

Результаты проверки финансово-хозяйственной деятельности обкома были рассмотрены в Челябинске на заседании бюро обкома 15 мая 1950 г. Всем руководящим работникам, получавшим незаконные денежные выплаты и не оплачивавшим жилищно-коммунальные услуги, было указано на необходимость возместить эти суммы обкому и облисполкому.

Быстрее всех отреагировал бывший первый секретарь обкома А. А. Белобородов: он оперативно и в полном объеме погасил числящуюся за ним задолженность. Частями стал возвращать деньги Г. И. Волошенко. Остальные, включая

бывших председателей облисполкома И. В. Заикина и М. М. Бессонова, выполнять решение бюро обкома не торопились, ввиду чего управляющий делами ЦК ВКП(б) Д. В. Крупин 8 июня 1950 г. обратился к члену Политбюро и секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову, руководившему работой Секретариата ЦК партии, со служебной запиской, где изложил просьбу передать вопрос о неправильном расходовании средств руководителями Челябинского обкома ВКП(б) и облисполкома на рассмотрение Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). Кроме того, Крупин попросил снять с работы заведующего финхозсектором Челябинского обкома А. И. Середкина, которого ранее неоднократно вызывали в управление делами ЦК и тщетно предупреждали о необходимости соблюдения финансовой дисциплины. Г. М. Маленков согласился с предложением Крупина, и в итоге 16 июня Секретариат ЦК ВКП(б) принял постановление «О неправильном расходовании средств в Челябинском обкоме ВКП(б) и облисполкоме». «Дело» было передано в цеховский партконтроль⁹.

Если участь Середкина была решена, то остальным предстояло пережить немало неприятных минут в главном партийно-следственном учреждении страны. Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б) по праву можно было назвать «конторой глубокого бурения». Партийные следователи с проверками выезжали на место и выявляли такие факты, которые предыдущие проверки установить не могли. В первую очередь это касалось коррупционных дел, связанных с незаконным расходованием государственных средств. Однако на сей раз сенсационных находок сотрудники КПК не сделали, новые факты незаконного расходования средств главными областными начальниками обнаружены не были. Пока шла проверка, почти все фигуранты «дела» успели погасить свою задолженность. Не осталось долга за А. А. Белобородовым, уплатившим 22 350 руб., за М. М. Бессоновым — 11 285 руб., за Г. И. Волошенко — 5466 руб. И. В. Заикин, хоть и приступил к возврату денег, погасил задолженность еще не в полном объеме: из 10 037 руб. внес чуть более половины⁹.

Все фигуранты были вызваны на заседание бюро Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), состоявшееся 1 декабря 1950 г. с участием управляющего делами ЦК ВКП(б) Д. В. Крупина. Там им было предъявлено обвинение в незаконном получении продуктов и в неуплате жилищно-коммунальных услуг. Неправомерное получение денежных пособий в вину бывшим областным начальникам (по крайней мере в итоговых документах) не ставили. При вынесении меры наказания было учтено, что числящаяся задолженность всех, кроме Заикина, была погашена в полном объеме, а последнему был установлен срок до 1 февраля 1951 г. для окончательного ее погашения. Решением бюро КПК А. А. Белобородову, Г. И. Волошенко, И. В. Заикину и М. М. Бессонову был объявлен выговор «за неправильное поведение, выразившееся в незаконном расходовании бюджетных средств на личные нужды». На должностном положении фигурантов «дела» решение КПК не отразилось, и в таком виде это решение было утверждено Секретариатом ЦК ВКП(б)¹⁰.

Казалось, что «дело» закрыто, виновные понесли заслуженное наказание, и теперь им предстояло честным трудом вернуть «доверие партии». Главное — все фигуранты сохранили свои должности, а от выговора со временем можно было избавиться.

Однако некоторыми подробностями «дела» заинтересовалась прокуратура, и в Челябинске началась череда ревизий и проверок. Прокурорским удалось разговорить некоторых обкомовских и облисполкомовских чиновников среднего звена, тех, кто не понаслышке знал о привилегиях, которыми пользовалась областная властная верхушка. Преданные и исполнительные, перед угрозой исключения из партии и уголовного преследования они стали «закладывать» своих бывших начальников и сваливать вину друг на друга. Постепенно из опросов бывших ответственных работников Челябинского облисполкома — заведующего областным финансовым отделом А. И. Коршунова, секретаря облисполкома Н. М. Архангельского, заведующего общим отделом В. П. Туркина и начальника управления подсобными предприятиями А. А. Комиссарова, а также бывшего директора Кособродского сельхозкомбината М. Я. Буренкова — стала проясняться картина повседневной жизни областного начальства в тяжелые послевоенные годы. При этом, так как речь шла о высокопоставленных чиновниках партийно-государственного аппарата — цеховской номенклатуре, прокурорские не забывали ставить ЦК ВКП(б) в известность о результатах своего расследования.

В середине 1920-х гг. в нескольких десятках километров от города Троицка Уральской области (впоследствии — Челябинская область) был организован Кособродский сельскохозяйственный комбинат. Основная задача, которая была поставлена перед комбинатом, — снабжение местных туберкулезных санаториев свежими мясомолочными продуктами, овощами и кумысом, который в те времена активно использовался при лечении туберкулеза. С началом войны комбинат оставался в системе здравоохранения и обеспечивал своей продукцией Троицкую городскую больницу, три госпиталя и детский костно-туберкулезный санаторий. Успешное хозяйство заметили областные чиновники и решили вывести его из системы здравоохранения и подчинить себе. По решению Челябинского облисполкома от 3 июня 1942 г. Кособродский сельхозкомбинат был переподчинен непосредственно облисполкому и стал использоваться как подсобное хозяйство. Некоторую долю продукции комбинат отдавал государству в качестве обязательных поставок, обеспечивал кумысом близлежащий санаторий, основную же часть продукции отправлял в областной центр, где та распределялась согласно составленным спискам среди работников Челябинского обкома ВКП(б) и облисполкома, а также поступала в спецстоловую для обеспечения их питания сверх карточек¹¹. Первым секретарем обкома ВКП(б) в то время работал Н. С. Патоличев, а председателем облисполкома — А. А. Белобородов, который позже, в 1946 г., сменил Патоличева в руководстве области.

Однако сельхозпродукция — не единственное, что рассчитывало получить с комбината челябинское начальство. Согласно принятому в марте 1944 г. постановлению Совета народных комиссаров СССР, регламентировавшему порядок распределения и использования накоплений подсобных хозяйств предприятий и учреждений, 50 % своих накоплений Кособродский сельхозкомбинат обязан был перечислять в государственный бюджет, а остальные 50 % направлять на расширение своего хозяйства¹². Тем не менее сельхозкомбинат по решению главных областных начальников отчислений в бюджет не делал, а направлял денежные средства в распоряжение облисполкома.

Поначалу оперативное руководство сельхозкомбинатом осуществлял заместитель председателя Челябинского облисполкома по финансам и торговле М. В. Сосновский. В 1944 г. сельхозкомбинат, наряду с другими хозяйственными организациями облисполкома — тремя столовыми, гаражом, жилым домом и начальственными дачами, расположенными в Смолино, Шершнях и Увильдах, — был передан в подчинение вновь создаваемому управлению подсобными предприятиями облисполкома (илихозуправлению). Возглавил новое управление А. А. Комиссаров — бывший помощник Сосновского, а общее руководство хозяйством было вменено в обязанность секретарю облисполкома Н. М. Архангельскому. Новому структурному подразделению облисполкома предписывалось осуществлять руководство столовыми, гаражом, стройконторой и сельхозкомбинатом, производить ремонт и благоустройство зданий и территорий облисполкома и начальственных дач¹³.

Председатель облисполкома А. А. Белобородов внушал Архангельскому, вступившему в должность секретаря облисполкома в середине 1945 г., что управление подсобными предприятиями создано на законном основании — решением облисполкома, одобренным Советом министров РСФСР, штаты утверждены штатной комиссией. Задача этого управления — руководить всем хозяйством облисполкома и за счет экономически более сильных предприятий (сельхозкомбинат и столовые) укреплять и развивать слабые хозяйства, не имеющие прибыли, такие как Шершневские и Смолинские дачи (где проживало областное начальство), гараж и домоуправление. Как впоследствии заверял Архангельский, сомневаться в правдивости главы облисполкома ему не приходилось: о постановлении Совнаркома СССР он в то время якобы понятия не имел, а по финансовым отчетам видел, что в предыдущем 1944 г. из полученной прибыли сельхозкомбината и столовых облисполкомом было изъято 200 тыс. руб. К тому же курировавший ранее деятельность сельхозкомбината Сосновский прежде длительное время работал заведующим областным финотделом и в финансовом хозяйстве разбирался очень хорошо. Другие ответственные работники облисполкома — заведующий общим отделом Туркин, главный бухгалтер Красноперов и его заместитель Сеницына — тоже полагали, что если сельхозкомбинат, гараж облисполкома, домоуправление, стройконтора и другие хозяйства входили в состав одного управления облисполкома, то не будет большого нарушения покрывать издержки одних за счет доходов других¹⁴.

Кособродский сельхозкомбинат своими средствами покрывал расходы других. В 1945 г. облфинотдел под руководством А. И. Коршунова снял со счета комбината 400 тыс. руб. По указанию председателя облисполкома А. А. Белобородова и его первого заместителя Н. П. Паничкина львиная доля этих средств (350 тыс. руб.) была переведена на счет хозяйствования облисполкома. В 1946 г. ситуация повторилась: облфинотдел снял со счета 90 тыс., из которых 30 тыс. руб. по указанию нового председателя облисполкома Заикина были перечислены управлению облисполкома. Помимо этого, согласно письменному распоряжению Николая Павловича Паничкина от 6 мая 1946 г., под предлогом изъятия излишков оборотных средств сельхозкомбинат расстался еще с 490 тыс., которые поступили в управление облисполкома. В 1947 г. по такому же распоряжению комбинат перечислил 500 тыс. руб.

Еще почти 300 тыс. руб., вырученных за сданную в облисполкомовскую столовую продукцию, комбинат лишился в соответствии с указанием А. А. Комиссарова¹⁵.

Откуда возникли такие гигантские расходы, которые компенсировал сельхозкомбинат, на что тратились его средства?

«Изыятые средства от прибылей с[ельско]х[озияственного] комбината расходовались в основном на ремонт дач в Смолино, на приобретение имущества для дач и на содержание обслуживающего персонала дач, — вспоминал несколько лет спустя начальник управления подсобными предприятиями А. А. Комиссаров, как никто другой знавший куда шли деньги. — На ремонт дач в Смолино ежегодно расходовалось по несколько десятков тысяч рублей. Но в связи с тем, что в Смолино старые [дачи] пришли в ветхость, ремонт должного эффекта не давал, но, тем не менее, дома ремонтировались»¹⁶.

Расходы на ремонт и содержание дач главных областных начальников, судя по всему, начались с благословения Н. С. Патоличева, ведь именно при нем была внедрена практика изъятия средств сельхозкомбината. Но особый размах «дачные расходы» приобрели после его отъезда в марте 1946 г. на работу в Москву. Его кресло в обкоме ВКП(б), как уже говорилось, занял А. А. Белобородов, а на место последнего в облисполком назначили другого патоличевского выдвиженца — И. В. Заикина. Заикину перешел не только кабинет Белобородова, но и его дача в Смолино. Однако дача председателя облисполкома (по документам она проходила как дача № 1) категорически не понравилась Ивану Васильевичу, и заселяться в нее он не стал. Выбор пал на другую дачу, расположенную по соседству с дачей первого секретаря обкома ВКП(б) (дача № 2). Правда, желанный объект вовсе не пустовал — эту дачу занимали пять семей, но данное обстоятельство не явилось помехой для всемогущественного председателя облисполкома. Люди были оперативно выселены, секретарь облисполкома Архангельский подготовил эскиз по перестройке дачи, согласовал его с Заикиным, после чего распорядился немедленно приступить к перестройке и расширению дачи № 1. К даче была пристроена вторая веранда, возведена новая купальня для дач № 1 и № 2 (одна купальня там уже имелась), приобретены две лодки, одна из которых была оборудована мотором. Для дачи Заикина были закуплены дорогостоящая мебель, посуда, шелковые шторы, из облисполкомовской столовой привезли бильярд, а в столовую вместо него был поставлен другой¹⁷.

Заодно Заикин распорядился «отменно» отремонтировать дачи первого и второго секретарей обкома ВКП(б) — А. А. Белобородова и Ф. Н. Дадонова. Для этих дач также были приобретены дорогостоящая мебель и бильярды, портьеры и шторы. Все дачи были укомплектованы постельными принадлежностями (одеяла, простыни). К тому же Комиссаров специально закупил через промкооперацию в Кургане 20 ковров общей стоимостью приблизительно в 35 тыс. руб. Ковры не только были использованы для дач, но и постелены в рабочих кабинетах, а также в автомобилях, на которых ездило облисполкомовское начальство. Некоторое имущество для облисполкома и для дач Комиссаров приобретал в Москве, — в частности, через Росснабсбыт была куплена шелковая ткань¹⁸.

Отдых главных областных начальников не должен был ограничиваться казенными дачами: специально для любителей охоты на одном из озер был выстроен дом¹⁹.

Мало было перестроить, капитально отремонтировать и обставить начальственные дачи — требовались немалые средства на их содержание. В дачном поселке проводились работы по благоустройству, озеленению, была налажена охрана территории, содержался обслуживающий персонал. До 1948 г. все расходы по содержанию дач производились за счет управления подсобных предприятий. Полагающаяся плата за площадь и амортизационные начисления за имеющееся на дачах имущество, включая постельные принадлежности, с начальства не взималась. В 1948 г. Совет министров РСФСР распорядился взимать с проживающих плату, как за площадь дачи, так и за находящееся на дачах имущество. На дополнительные расходы по дачам республиканский Совмин выделил облисполкому 50 тыс. руб. Однако И. В. Заикин дал указание и дальше не взимать полагающуюся плату ни с него, ни с первого и второго секретарей обкома. Перечить председателю облисполкома никто не осмелился. «Этот отказ от оплаты со стороны тт. Заикина, Белобородова и Дадонова был совершенно понятен, — пояснял позже Архангельский, — так как на их дачах находилось огромное количество инвентаря, и они должны были бы платить большую амортизационную плату, да и площади в их дачах были также большими, так как каждый из них занимал по отдельному зданию. Попытка ввести плату за дачи в 1947 г. встретила большое сопротивление с их стороны и запрещение взимать плату со всех проживающих на дачах». Всего за три года, с 1945 по 1947 г., за счет изъятой прибыли сельхозкомбината и столовых только на дачи для руководящих работников области была израсходована гигантская по тем временам сумма — 490,7 тыс. руб.²⁰

Еще одним финансовым источником красивой жизни для первых лиц области стал так называемый соцбыт — секретный фонд, находящийся в распоряжении председателя Челябинского облисполкома. Смета по соцбыту была засекречена и хранилась в спецчасти облисполкома. В этом документе были прописаны расходы по оплате квартир председателя облисполкома и секретаря обкома ВКП(б), расходы по заправке их вагонов на время командировок, расходы на бесплатное питание для участников заседаний облисполкома, расходы по дачам и денежные пособия²¹.

Кроме того, за счет средств соцбыта облисполкома регулярно устраивались банкеты для челябинского начальства. Застолье, как правило, организовывалось на какой-либо даче, среди основных участников были секретари обкома ВКП(б), председатель облисполкома и его первый заместитель, начальники областных управлений МВД и МГБ, начальник управления Южно-Уральской железной дороги и директор Челябинского Кировского завода, иногда присутствовал областной прокурор. Начальников сопровождали их жены. Собирались не только для встречи Нового года, по первомайским и ноябрьским праздникам — поводы могли быть самыми разнообразными. Так, один из банкетов был устроен по случаю вручения А. А. Белобородову удостоверения депутата Верховного совета СССР в 1946 г. Особенно многолюдный вечер Белобородов провел в связи со своим назначением первым секретарем Челябинского обкома ВКП(б)²².

Вообще организации своего питания челябинское начальство уделяло особое внимание. Судя по документам, сталинская власть не позволяла местной номенклатуре слишком разгуляться в то время, когда в стране простые люди

недоедали, а местами царил голод. Но главное челябинское начальство научилось обходить жесткие сталинские рамки.

В ряду подобных фактов стоит организация бесплатного питания для членов облисполкома (в число которых входил первый секретарь обкома А. А. Белобородов) во время проведения сессий областного совета и заседаний облисполкома. Для начальства накрывался отдельный стол, на который выставлялись разнообразные блюда. Застолье со всевозможными кушаньями в обычный будничные день на фоне несытой послевоенной повседневности придавало областной властной верхушке ощущение собственной значимости и избранности, что впоследствии на политическом лексиконе того времени будет названо нездоровой обстановкой создания авторитета руководителям обкома ВКП(б) и облисполкома²³. Стол накрывался столь щедро, что после обеда на нем оставалось много нетронутых блюд, которые затем столовая не могла реализовать. Однажды во избежание такого расточительства во время очередной сессии облсовета в конце 1948 г. зав. общим отделом облисполкома В. П. Туркин договорился с руководством столовой не накрывать общий стол — каждый член президиума мог в соответствии с меню взять в буфете (бесплатно, разумеется) то, что ему нужно. Однако затея с экономией не удалась. Когда на сессии появился первый секретарь обкома А. А. Белобородов, секретарь облисполкома Архангельский отругал инициаторов такого нововведения и распорядился чтобы в тот же день уже к следующему перерыву в заседании был «солидно» накрыт общий стол. Облисполкомовские традиции остались незывлемыми²⁴.

Главные областные начальники не желали ограничиваться довольствием, полагавшимся им по праву. В командировку первый секретарь обкома или председатель облисполкома отправлялись в собственном вагоне, к вагону цеплялась платформа, на которую загонялся служебный автомобиль. В командировке областного начальника сопровождал персональный повар, а вагон в достаточном количестве заправлялся продуктами. Оправдывая заведенный порядок, заведующий финхозсектором Челябинского обкома А. И. Середкин говорил: «Что же, секретарю обкома ВКП(б) в вагоне с узелочком ехать что ли?» Если же первый секретарь обкома или председатель облисполкома отправлялись в командировку на автомобилях, то в дорогу им готовили специальные чемоданы, набитые продуктами²⁵.

За счет средств соцбыта оплачивались квартиры первого секретаря обкома и председателя облисполкома. А. А. Белобородов занимал весьма обширные площади, плата за такую квартиру и амортизационные расходы выливались в значительную сумму, чувствительную даже для главы области. Содержание за государственный счет квартиры и дачи позволяло избавить семейный бюджет от существенных расходов. Тот же заведующий финхозсектором в кулуарах разъяснял, что такая большая квартира лично Белобородову не нужна, ему было бы достаточно и двух комнат. Но она необходима ему исключительно для поддержания собственного авторитета как первого секретаря обкома²⁶.

Позже, когда прокуратура и ЦК ВКП(б) занялись расследованием незаконного расходования средств, обкомовские и облисполкомовские придворные принялись раскаиваться в своих действиях, уверяли, что высказывали робкие сомнения в законности расходования средств хозуправления и соцбыта. Однако

авторитет и высокое властное положение главных областных начальников, дававших недвусмысленные указания по поводу финансовых расходов, страх впасть в немилость лишали их мужества и принципиальности²⁷.

Боязнь быть отстраненным от «барского стола» затмевала страх понести ответственность за финансовые махинации, заставляла их беспрекословно выполнять незаконные распоряжения руководителей области, ставить свои подписи под финансовыми документами. Единственным, кто не побоялся стать препятствием на пути к «красивой жизни» «челябинских вождей», был директор Кособродского сельхозкомбината (того самого, который обеспечивал как продовольственное, так и финансовое снабжение обкомовского и облисполкомовского начальства) Мефодий Яковлевич Буренков. Он работал директором этого хозяйства с 1936 г., в середине 1942 г. был призван в армию и вернулся на ту же должность в феврале 1945 г. Его уход в армию совпал с передачей сельхозкомбината из ведения органов здравоохранения в подчинение Челябинскому облисполкому. По словам М. Я. Буренкова, комбинат уже к концу 1943 г. был доведен до крайнего упадка, но 1945 год сумел закончить с прибылью в 118 тыс. руб., в 1946 г. прибыль составила почти 500 тыс. руб., в 1947 г. — 780 тыс. руб. Секретарь облисполкома Архангельский запретил в годовых балансах отражать всю сумму прибыли, объясняя это тем, что сельхозкомбинат как неуставное предприятие не может самостоятельно рассчитываться с государством и что эти расчеты будет производить вышестоящая организация, т. е. управление подсобных предприятий облисполкома. Какие накопления имеет это хозяйство, не знал даже областной финансовый отдел, так как бухгалтерские отчеты комбината в облфинотдел не поступали. Всю получаемую хозяйством прибыль руководство облисполкома в лице Паничкина, Сосновского, Архангельского, Туркина и Комиссарова под различными предлогами предписывало перечислять на расчетный счет управления подсобных предприятий облисполкома. Но указания эти встречали открытое и весьма активное сопротивление со стороны директора комбината. «Против изъятия средств с исключительной нервозностью протестовал директор с[ельско]х[озяйственного] комбината Буренков М. Я., который всеми способами уклонялся, чтобы деньги облисполкому не перечислять, — писал в объяснительной А. А. Комиссаров, — в связи с чем по указанию Архангельского мной Буренкову было послано ряд писем с предложением о перечислении средств»²⁸. На отказ перечислять деньги челябинское начальство реагировало с нескрываемым раздражением. «Мы вас заставим понять, что вы имеете дело не сельским советом!» — угрожал Н. М. Архангельский, когда в конце 1947 г. склонял Буренкова перечислить средства облисполкому. «Ведь это нужно не нам с тобой, а начальству, начальство знает, что делает», — пытался по-хорошему увещевать Мефодия Яковлевича заведующий общим отделом В. П. Туркин²⁹.

Буренков в своих устных и письменных протестах по поводу изъятия средств у комбината ссылался на постановление Совнаркома СССР 1944 г. Как рачительный хозяин, он надеялся, что, отдав половину прибыли в госбюджет, вторую половину он сможет направить на развитие хозяйства. Директор ходил на прием к председателю облисполкома И. В. Заикину и его преемнику М. М. Бессонову, разговаривал с секретарем обкома ВКП(б) по кадрам С. Ф. Князевым, но все было тщетно. Председатель облисполкома Бессонов ничего слышать не хотел

о незаконном изъятии средств у сельхозкомбината, а лишь повторял: «Меня информировали, что у сельхозкомбината имеется полтора миллиона излишних денег». Князев, занимавший по некоторым вопросам принципиальную позицию, на этот раз переадресовал Буренкова к Бессонову, а когда услышал, что тот уже был, развел руками: «Я тогда в таком случае помочь не могу»³⁰.

Несмотря на сопротивление М. Я. Буренкова, челябинское начальство не только находило способы выкачивать средства из сельхозкомбината, но и стремились изымать сельхозпродукцию сверх установленных нормативов. Так, зампред облисполкома М. В. Сосновский в 1945 г. запретил сдавать комбинату мясо в счет госпоставок, а председатель облисполкома И. В. Заикин в 1947 г. в присутствии Архангельского угрожал Буренкову увольнением за то, что комбинат сдал сверхплановые 180 т зерна государству. Прибегая к различным хитростям, облисполком сумел получить с комбината сверх положенного около 15 т сливочного масла и около 50 т мяса³¹.

Из властных структур на стороне директора сельхозкомбината выступал лишь областной отдел здравоохранения. Руководители челябинской медицины, разумеется, не ставили под сомнение законность расходования средств Челябинским облисполкомом, а вели речь исключительно о возвращении комбината под патронаж облздравотдела. Еще до окончания войны заведующий облздравом А. Н. Рыскин ставил этот вопрос перед облисполкомом. Но главные областные начальники вернуть хозяйство отказались, ограничившись передачей в систему здравоохранения нескольких десятков голов крупного рогатого скота и лошадей, которые были приняты на баланс Кособродского санатория³². После войны облздравотдел возобновил попытки вернуть комбинат себе по причине того, что местные санатории остро нуждались в дополнительной продовольственной базе, в первую очередь в кумысе. Идею поддержала местная пресса, включая главную областную газету «Челябинский рабочий». Дальше держать при себе крупное хозяйство, особенно после отмены карточной системы, облисполком не мог. Лишь в начале 1948 г. областное начальство стало обдумывать вопрос о возвращении хозяйства. Расстаться с таким источником материально-бытового благополучия для «челябинских вождей» было делом нелегким. И вот тогда был придуман хитроумный план, как вернуть сельхозкомбинат обратно в ведение курортно-санаторного управления облздравотдела, но при этом свести потери к минимуму. Решили комбинат вернуть, а себе оставить его филиал. Правда, никакого филиала сельхозкомбината не существовало — его лишь предстояло создать. Официально этот филиал был необходим для обеспечения закрытого буфета облисполкома свежими продуктами и кумысом. Фактически же ему отводилась иная роль — стать еще одним местом элитного отдыха с охотничье-рыболовным хозяйством. Филиал предполагалось разместить в живописном месте, на берегу пруда под Челябинском, где за охотой и рыбалкой «челябинские вожди» могли бы коротать свой досуг. Для успешного существования такого хозяйства в филиал должно было перейти все лучшее, что было в материально-технической базе комбината. А чтобы Буренков не вздумал бунтовать, организовали специальную комиссию по ревизии сельхозкомбината, перед которой поставили задачу «нашуметь» и напугать директора. После этой «ревизии», накопив нужный материал, первый

заместитель председателя облисполкома Н. П. Паничкин и заведующий общим отделом В. П. Туркин «предложили» Буренкову приступить к строительству филиала, стоимость которого определили в 600 тыс. руб. Заодно потребовали перечислить деньги на содержание начальственных дач и на другие нужды. Буренков нехотя согласился, однако на деле стал тянуть с исполнением приказов челябинского начальства. Увидев, что Буренков не намерен выполнять их указания и все так же упорствует, облисполком перешел к более решительным действиям — передал материалы ревизии в суд. Пока Буренкова судили, облисполком по фиктивным документам сумел снять со счета комбината 35 тыс. руб. и перечислить их на свой расчетный счет. Директора приговорили к двум годам лишения свободы условно, но это обстоятельство отнюдь не сделало его сговорчивее³³.

Так и не добившись от Буренкова строительства филиала (к тому же облисполком и облздравотдел не сумели полюбовно договориться между собой о разделении сельхозкомбината), облисполком решил хоть что-то получить при расставании с надежным источником доходов. В конце 1948 г. и первые месяцы 1949 г. комбинату были выставлены для оплаты два счета в 47 и 18 тыс. руб. якобы за пользование автотранспортом. Как позже объяснял зав. общим отделом В. П. Туркин, искать дополнительные средства облисполком был вынужден ввиду больших расходов на содержание собственного автотранспорта: только за председателем облисполкома были закреплены три автомобиля, у его заместителей было по два, в гараже стояло много других легковых и грузовых машин. Транспорт при этом пребывал в аварийном состоянии, много средств тратилось на ремонт как собственно облисполкомовских машин, так и закрепленных за райисполкомами.

Буренков упорствовать не стал и дал команду оплатить эти счета. Но аппетиты челябинского начальства от этого не уменьшились. Туркин попросил Буренкова перечислить облисполкому еще 250 тыс. руб., из которых 180 тыс. должны были пойти на оплату автомобиля, приобретенного для председателя облисполкома М. М. Бессонова. Буренков ответил категорическим отказом, на что облисполком отреагировал жесткими мерами: облфинотдел наложил арест на расчетный счет сельхозкомбината, а передача самого комбината облздравотделу была приостановлена. Одновременно у комбината были изъяты два десятка рабочих лошадей и четыре десятка молодняка и переданы областным структурам — облтопу и облместпрому. За молодняк облисполком заплатил комбинату по балансовой стоимости (т. е. по минимуму), а рабочих лошадей отобрал без всякой оплаты. Кроме того, сельхозкомбинату приказали передать тем же областным структурам половину имеющегося тракторного парка³⁴.

Буренков, в свою очередь, тоже не бездействовал. Он предпринял все, чтобы с арестованного счета облисполком не смог снять средства, а также распорядился задержать реализацию продукции, препятствуя таким образом пополнению счета. Желая любой ценой сохранить тракторы на комбинате, директор дал указание частично разобрать их и снятые детали хорошо спрятать. Расчет был прост: облтоп и облместпром не захотят приобрести себе проблемы в виде нерабочих и некомплектных тракторов. В результате задумка директора удалась: областные структуры отказались от такого «подарка».

Облесполкомовское начальство (в мае 1949 г. М. М. Бессонов был отозван в Москву на должность заместителя председателя Совета министров РСФСР, на посту председателя облесполкома его сменил Г. А. Бездомов) решило прекратить противостояние: решением от 26 мая 1949 г. сельхозкомбинат был передан облздравотделу. Директор комбината Буренков в июне пригрозил в облфинотделе, что если не будет снят арест со счетов комбината, то он поедет искать правду в Москве, а необходимую для этого командировку ему выдаст курортно-санаторное управление облздравотдела. Счета комбината были разблокированы. После передачи комбината в ведение облздравотдела Буренков дал команду собрать разукomплектованные тракторы. Надежно спрятанные детали были возвращены на место, и тракторы вновь стали работать на благо хозяйства³⁵.

Если с потерей сельхозкомбината облесполком вынужден был смириться, то с репутационными потерями мириться он никак не хотел, ведь Буренков фактически в одиночку пошел против областного начальства и сумел добиться своего. В августе в «Челябинском рабочем» был опубликован фельетон, по итогам обсуждения которого облесполком принял решение снять с работы начальника курортно-санаторного управления облздравотдела Воробьева, директора сельхозкомбината Буренкова, а также директора санатория «Степная» Первухина и отдать их под суд. Председатель облесполкома Г. А. Бездомов на заседании назвал Буренкова подлецом, вором, жуликом и мерзавцем. Тем не менее, несмотря на усилия облесполкома, заведенные следственными органами дела были прекращены за отсутствием состава преступления³⁶.

М. Я. Буренков пытался опротестовать свое увольнение, направлял жалобы в ЦК ВКП(б) и Прокуратуру СССР. Однако челябинским властям, хоть они и подвергались в это время проверкам в связи с рассмотрением «дела Зальцмана», удалось избавиться от упрямого и чересчур принципиального директора. Буренков вынужден был перебраться в Запорожье, где устроился в подсобное хозяйство одного из санаториев³⁷.

Однако жалобы Буренкова не канули в лету. Как следует из документов, о них вспомнили и дали им ход после того, как в конце 1950 г. в Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) разбирали злоупотребления со стороны А. А. Белобородова, И. В. Заикина и др. Прокуратура пыталась выявить виновных в нарушении установленного правительством порядка использования накоплений подсобных хозяйств и выяснить, на что тратились изъятые из Кособродского сельхозкомбината финансовые ресурсы и куда шли средства так называемого соцбыта. Судя по объяснениям, направленным в прокуратуру и ЦК ВКП(б), над облесполкомовскими начальниками, подписавшими финансовые документы и непосредственно отдававшими распоряжения о незаконном перечислении и расходовании средств (А. И. Коршуновым, Н. М. Архангельским, В. П. Туркиным и А. А. Комиссаровым), нависла угроза исключения из партии, а следовательно, лишения каких бы то ни было номенклатурных должностей и привилегий. И те дружно принялись винить во всем высшее челябинское начальство. Тем не менее, судя по всему, бывших «челябинских вождей» эти разбирательства в ЦК ВКП(б) и прокуратуре существенно не затронули — не послужили поводом для их уголовного преследования, лишения партбилета и кардинальных понижений по служебной лестнице. Известно лишь,

что бывший председатель Челябинского облисполкома М. М. Бессонов в 1952 г. был освобожден от обязанностей заместителя председателя Совета министров РСФСР и назначен на относительно небольшую должность заместителя начальника инспекции Министерства сельского хозяйства и заготовок СССР³⁸. Отсутствие реального наказания для бывших «вождей» вполне объяснимо: свои выговоры за незаконное расходование средств на личные нужды они уже получили, деньги за продукты и жилищно-коммунальные услуги вернули, а теми дачами и квартирами, на обустройство и обстановку в которых они бросили огромные государственные средства, сейчас пользовались уже другие начальники. И пользовались тоже лишь временно, так как и сами дачи с квартирами, и мебель с посудой и коврами, и даже постельное белье — все было казенным.

Как свидетельствуют архивные документы, послевоенный сталинский ЦК партии достаточно тщательно следил за своими региональными руководителями. Количество каналов, через которые повседневно контролировались региональные руководители, было велико³⁹. Кроме того, в Москву от рядовых членов ВКП(б) нескончаемым потоком шли заявления, содержавшие порочащие местных начальников сведения, как то: недостатки и ошибки в работе, коррупция, «недостойное поведение в быту» и т. д. Многие материалы подвергались скрупулезной проверке, после разбирательств выносились обвинительные либо оправдательные вердикты. В определение степени тяжести того или иного проступка и избрание меры наказания могли вмешиваться различные субъективные факторы. Тем не менее позднесталинские политические практики позволяли действовавшей системе власти поддерживать в своих рядах необходимый уровень дисциплины, достаточный для нормального функционирования громоздкой административной машины, и в конечном счете обеспечивать неуклонное наращивание экономической мощи сверхдержавы.

¹ *Болдовский К. А.* Денежная реформа 1947 г. и ленинградский партаппарат // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2013. Вып. 4. С. 175–184; *Говоров И. В.*: 1) Коррупция в условиях послевоенного сталинизма (на материалах Ленинграда и Ленинградской области) // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 66–81; 2) Разгул преступности в послевоенном Ленинграде и области // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 139–143; *Жирнов Е.*: 1) «В разбазаривании государственного имущества и излишествах повинны руководители Белоруссии» // Коммерсантъ Власть. 2010. № 44. С. 64–69; 2) «Особая бесхозяйственность» // Там же. 2010. № 45. С. 64–69; 3) «Своим поведением разлагал работников» // Там же. 2008. № 42. С. 66–71; *Кимерлинг А. С.* Особенности провинциальной советской коррупции в 1946–1953 годах на материале Молотовской области // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2012. № 3 (20). С. 101–108; *Старков Б. А.* Борьба с коррупцией и политические процессы в Ленинграде во второй половине 40-х гг. // Политика, общество, человек: к 85-летию доктора исторических наук, профессора А. З. Ваксера. СПб., 2008. С. 95–110; *Сушков А. В.* Власть и коррупция: руководство Красноярского края и дело о хищениях продукции на Красноярском заводе плодово-ягодных вин (1949 г.) // Уральский исторический вестник. 2011. № 3 (32). С. 89–95; и др.

² *Сушков А. В.* Дело «ганкового короля» Исаака Зальцмана. Екатеринбург, 2016. С. 180–191, 205–216, 248–251.

³ Там же. С. 251; Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 118. Д. 930. Л. 187.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 930. Л. 187.

- ⁵ Там же. Л. 187–188; Оп. 119. Д. 180. Л. 108–109.
- ⁶ Там же. Оп. 118. Д. 930. Л. 188.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. Л. 186–189.
- ⁹ Там же. Оп. 119. Д. 180. Л. 107–110.
- ¹⁰ Там же. Л. 106–107.
- ¹¹ Там же. Л. 125, 131–132.
- ¹² Там же. Л. 123, 130, 132.
- ¹³ Там же. Л. 111, 131.
- ¹⁴ Там же. Л. 111–112, 121.
- ¹⁵ Там же. Л. 123–124, 126–127, 133.
- ¹⁶ Там же. Л. 133.
- ¹⁷ Там же. Л. 113–114, 133–134.
- ¹⁸ Там же. Л. 111, 114, 134.
- ¹⁹ Там же. Л. 134.
- ²⁰ Там же. Л. 112–113, 116.
- ²¹ Там же. Л. 119.
- ²² Там же. Л. 118, 134.
- ²³ Там же. Л. 121.
- ²⁴ Там же. Л. 120–121.
- ²⁵ Там же. Л. 118–122, 134.
- ²⁶ Там же. Л. 121.
- ²⁷ Там же. Л. 114, 116–117, 120, 122, 124.
- ²⁸ Там же. Л. 123, 125–126, 133.
- ²⁹ Там же. Л. 130.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. Л. 127.
- ³² Там же. Л. 132.
- ³³ Там же. Л. 127–128.
- ³⁴ Там же. Л. 120–121, 128–129.
- ³⁵ Там же. Л. 128–129.
- ³⁶ Там же. Л. 129.
- ³⁷ Там же. Л. 129–130.
- ³⁸ *Кибиткина Г. Н.* Бессонов Михаил Михайлович // Челябинская область: энциклопедия. Челябинск, 2008. Т. 1. С. 385.
- ³⁹ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953 / сост. В. В. Денисов, А. В. Квашонкин, Л. Н. Малащенко и др. М., 2004. С. 6.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Сушков А. В. Власть и коррупция: привилегированная жизнь «челябинских вождей» во второй половине 1940-х годов // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 1. С. 99–115. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.107>
УДК 94(47).084.8(470.5)

Аннотация: Руководители Челябинской области во второй половине 1940-х гг. стремились значительно расширить привилегии, которые были предоставлены им верховной властью. Еще в годы войны руководство области изъяло из системы здравоохранения и подчинило себе сельскохозяйственный комбинат, продукция которого стала поступать не в госпитали, больницы и санатории, а на питание работников областных властных структур. После войны за счет денежных средств, незаконно получаемых из доходов сельскохозяйственного комбината, а также из секретного фонда председателя облисполкома, «челябинские вожди» обустроивали и содержали роскошные дачи, устраивали банкеты и бесплатные обеды, оплачивали квартиры и выписывали себе денежные пособия. В их планах была

организация элитного отдыха под Челябинском с охотничье-рыболовным хозяйством. На пути к «красивой жизни» челябинского начальства встал директор сельхозкомбината, открыто и активно препятствовавший незаконному перечислению средств хозяйства и выступавший за возвращение этого комбината в систему здравоохранения. Руководители облисполкома поначалу пытались переубедить слишком принципиального и ретивого директора, затем перешли к запугиванию и в итоге стали добиваться его осуждения по уголовным статьям. После жесткого противостояния директор был уволен, его жалобы в ЦК ВКП(б) и Прокуратуру СССР оставались без должного внимания. Лишь после того как управление делами ЦК ВКП(б) установило, что в течение нескольких лет руководители Челябинской области незаконно получали продукты и не платили за жилищно-коммунальные услуги, а Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) объявила виновным выговор и обязала возместить ущерб, по жалобам директора сельхозкомбината начались разбирательства.

Ключевые слова: А. А. Белобородов, И. В. Заикин, коррупция, Челябинская область, партийно-государственная система власти, поздний сталинизм.

Сведения об авторе: Сушков А. В. — канд. ист. наук, ст. науч. сотр., Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия); suschkow@mail.ru

FOR CITATION

Sushkov A. V. 'Power and Corruption: The "Chelyabinsk Leaders" Privileged Life in the Second Half of the 1940s', *Modern History of Russia*, vol. 8, no. 1, 2018, pp. 99–115. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu.24.2018.107>

Abstract: In the early postwar years, leaders of the Chelyabinsk region sought to significantly expand the privileges that they had been given by the Supreme authorities. Yet still in the years of the war, regional authorities withdrew an agricultural farm from the healthcare system and subordinated it so that its produce did not serve hospitals and sanatoriums but fed the members of the regional authorities. After the war, at the expense of illegally obtained incomes from the agricultural farm and also from the secret fund of the Chairman of the Executive Committee, the "Chelyabinsk leaders" equipped and maintained luxury villas, arranged banquets and free lunches for themselves, paid for apartments and got illegal cash benefits. They also planned to start up a luxury vacation site near Chelyabinsk with hunting-fishing facilities. The way to the "beautiful life" of the Chelyabinsk authorities was blocked by the Director of the agricultural farm who openly and actively opposed to the illegal transfers of funds and advocated for the return of this farm to the healthcare system. The leaders of the Executive Committee initially tried to persuade the much too principled and zealous Director, then moved on to intimidation and eventually began to seek his conviction on criminal charges. After a period of hard confrontation the Director was dismissed, his complaints to the Central Committee of the CPSU(b) and the USSR Prosecutor's Office remained without proper attention. Only when the Management of the Affairs of the Central Committee of the CPSU(b) had established the fact that over a few years the authorities of the Chelyabinsk region illegally provided themselves with food products and did not pay for housing and utilities, when the Party Control Commission under the Central Committee of the CPSU(b) declared them guilty, reprimanded and ordered to pay damages, the complaints of the Director of the farm were admitted to further proceedings.

Keywords: A. A. Beloborodov, I. V. Zaikin, corruption, Chelyabinsk region, Party and State System of Power, Late Stalinism.

Author: Sushkov A. V. — Candidate of History, Leading Researcher, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); suschkow@mail.ru

References:

- Boldovskiy K. A. 'Denezhnaja reforma 1947 g. i leningradskij partapparat', *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, Ser. 2. Istorija, Vol. 4, 2013.
- Denisov V. V., Kvashonkin A. V., Malashenko L. N., Miniuk A. I., Prozumenshnikov M. Ju., Khlevniuk O. V. *СК ВКП(б) i regionalnye partijnye komitety. 1945–1953* (Moscow, 2004).

- Govorov I. V. 'Korrupcija v uslovijah poslevoennogo stalinizma (na materialah Leningrada i Leningradskoj oblasti)', *Modern History of Russia*, no. 1, 2011.
- Govorov I. V. 'Razgul prestupnosti v poslevoennom Leningrade i oblasti', *Voprosy istorii*, no. 4, 2003.
- Kibitkina G. N. 'Bessonov Mihail Mihajlovich', *Cheľjabsinskaja oblast: enciklopedija*, Vol. 1 (Chelyabinsk, 2008).
- Kimerling A. S. 'Osobennosti provincialnoj sovetskoj korrupcii v 1946–1953 godah na materiale Molotovskoj oblasti', *Vestnik Permskogo universiteta*, Ser. Istorija, no. 3 (20), 2012.
- Starkov B. A. 'Borba s korrupciej i politicheskie processy v Leningrade vo vtoroj polovine 40-h gg.', *Politika, obshhestvo, chelovek: k 85-letiju doktora istoricheskikh nauk, professora A. Z. Vaksera* (St. Petersburg, 2008).
- Sushkov A. V. *Delo "tankovogo korolja" Isaaka Zalcmana* (Yekaterinburg, 2016).
- Sushkov A. V. 'Vlast i korrupcija: rukovodstvo Krasnojarskogo kraja i delo o hishhenijah produkcii na Krasnojarskom zavode plodovo-jagodnyh vin (1949 g.)', *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, no. 3 (32), 2011.
- Zhirnov E. "'Osobaja beshozajstvennost'", *Kommersant Vlast*, no. 45, 2010.
- Zhirnov E. "'Svoim povedeniem razlagal rabotnikov'", *Kommersant Vlast*, no. 42, 2008.
- Zhirnov E. "'V razbazarivanii gosudarstvennogo imushhestva i izlishestvah povinny rukovoditeli Belorussii'", *Kommersant Vlast*, no. 44, 2010.